

АВРОРА СТИЛЗ

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ ВЕРОНИКИ

ЧУЖИЕ ЗЕМЛИ

Аврора Стилз

Девять жизней
Вероники . Чужие Земли.

«Литнет»

2025

Стилз А.

Девять жизней Вероники . Чужие Земли. / А. Стилз — «Литнет»,
2025

Проснуться в новом теле через сто лет — не дар, а изощрённая насмешка. Особенно когда твой бессмертный враг сам подбрасывает тебе факел и объявляет от твоего имени войну целому миру. Теперь Вероника — беглянка на палубе «Морской Тени», корабля, чьё имя стало для неё пророчеством. Путь через штормовые моря в Чужие Земли — лишь прелюдия. На борту каждый шепот — потенциальный донос, каждый союзник — возможный палач. Её единственный шанс — разгадать правила игры, в которую её втянули прежде, чем корабль, как и её прошлая жизнь, пойдёт ко дну, унося с собой все ответы. Первая книга : Девять жизней Вероники . Ведьмино дерево . ★#Буду признательна за ваши комментарии и лайки ★#

© Стилз А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	11
Глава 5.	14
Глава 6.	17
Глава 7.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Глава 1.

Наконец, туннель закончился. Вместо давящей каменной темноты перед нами распахнулся ночной мир — не свобода, а другая форма бегства.

Холодный, влажный воздух ударил в лицо, пахнувший дымом, гниющими водорослями и далёким морем. Мы вынырнули из-под земли, как кроты, на пустынный, заваленный булыжником причал. Где-то вдали мерцали редкие, тусклые огни спящего портового квартала.

Две тени, прятавшиеся за грудой бочек, при нашем появлении отделились от темноты и устремились к нам. Их движения были быстрыми, точными, лишёнными суеты — движения людей, привыкших к опасности и полуночным встречам.

— Вероника! У вас получилось! — воскликнул тот, что был ближе, и его голос, низкий и сдавленный, прозвучал не столько как радость, сколько как облегчение. В следующее мгновение на мои плечи упала тяжесть грубой шерсти — тёплый, пахнувший конюшной и дымом плащ. Его тепло было почти болезненным после вековой древесной стужи.

— О, да! У меня получилось! — мой собственный голос прозвучал хрипло, но в нём билась настоящая лихорадка. Внутри всё ликовало, пело и трепетало. Легкие, набитые едким, живым воздухом. Ноги, чувствующие под собой не корни, а твёрдую, неровную землю. Сердце — бешеный барабан, отбивающий ритм: жива, жива, жива! Мы говорили о разных вещах — он об успехе в какой-то миссии, я о самом факте существования, — но сейчас это не имело ровно никакого значения. Я снова была жива и одно это осознание стоило любых рисков, любых будущих испытаний.

Мысль о Дамиане пронзила ликование как ледяная игла. Он наказал меня. В своей изощрённой, бесчеловечной манере. Не убить, а мучать. Не забыть, а заточить в вечном кошмаре наяву. Поступил бы он так, если бы я не обратилась к нему на суде с тем последним, тихим словом? Словом-проклятием, словом-ключом? Был ли этот ужас его изначальным замыслом или он удовлетворился бы обычной казнью? Узнаю ли я когда-нибудь ответы? И, что главное — хочу ли я их знать? Сейчас — нет. Сейчас нужно было только дышать, чувствовать, бежать.

— Вероника, дальше ты без меня! — резко произнёс мужчина, который вытащил меня из лабиринта. Его лицо в слабом свете далёкого фонаря было напряжённым, глаза бегали по темноте, выискивая угрозы.

— Почему? — спросила я искусственно добавив в голосе нотку растерянности. В данный момент меня волновало не его решение, а всё: кто он, кто эти двое, что за мир за пределами этого причала. Но я стала мудрее. Или просто научилась терпению за столетия немоты. Теперь, с первых же минут новой жизни, нужно было собирать каждую крупицу информации, каждую интонацию, каждый взгляд.

— Вероника, мы же обсуждали это! — в его голосе прорвалось раздражение, хоть и сдержанное. — Я... я не могу уйти. Моё место здесь. А ты должна бежать как можно дальше и быстрее. После сегодняшнего... после твоего побега, начнётся война. Я в этом уверен.

— Война? — мои глаза непроизвольно расширились.

«Ну спасибо, Дамиан. Так сразу и война. Ставки, как я вижу, только растут. Ты не просто создал мне новую жизнь — ты бросил меня напрямую на линию фронта.»

— Всё это не имеет значения сейчас! — он перебил мои мысли, его рука легла мне на плечо и пальцы сжались — жест не столько отеческий, сколько полный отчаянной решимости. — Ты всё сделала правильно. Ты вырвалась. Теперь нужно спасаться. Выжить.

— Нужно торопиться! — жёстко, без эмоций, скомандовал один из людей в плащах и его товарищ кивнул, бросая беспокойный взгляд в сторону порта.

— Вероника! Удачи! — мой спутник кивнул мне коротко, почти по-солдатски, развернулся и, не оглядываясь, растворился в чёрном зеве туннеля, из которого мы только что вышли. Он возвращался в ад, который помог мне покинуть.

Я осталась наедине с двумя незнакомцами. Ветер трепал полы плаща. Вдали завывала сирена.

— Итак, господа ... — произнесла я, медленно оборачиваясь к ним. Голос звучал уже иначе — тише, но с металлическим оттенком, который помнил, как звучать сквозь кору и века. — Что ждёт нас дальше?

Мои глаза в темноте, должно быть, горели. Не от радости, а от холодного, сконцентрированного огня пробудившейся воли. Я наконец обрела свободу действия. И, кажется, в этой истории это было как нельзя кстати. Ведь я не просто сбежала. Я бежала от. От возмездия, от тюремщиков, от последствий того взрыва, что прозвучал похоронным звоном по моей прошлой тюрьме. Война... Что за новый, жестокий мир создал для меня Дамиан своим странным «милосердием»?

— Мы доставим вас на корабль, — отчеканил первый мужчина, его речь была лишена любых украшений. — «Морская тень». Отплытие через час. Капитан предупреждён.

— На борту вас будет ждать... ваш друг, — добавил второй, и в его голосе, на миг, мелькнула неуверенность, которую он тут же подавил. — Но вам следует быть крайне осторожной. Никто не должен вас видеть. Вы — тень.

— О, да! Я буду предельно осторожна, уж поверьте мне, — ответила я, и на губы наползла лёгкая, загадочная улыбка. Улыбка, за которой можно было спрятать и панику, и расчёт, и бесконечные вопросы. Корабль. Дальнее плавание. В открытое море, подальше от всех следов.

Но самый главный вопрос висел в воздухе тяжелее тумана. «Ваш друг». Мой друг? У меня после столетий в дереве остался друг? Или это очередная ловушка, игра в кошки-мышки растянутая на столетие? А может, и то, и другое сразу — уж такого сочетания я в своей жизни знала предостаточно.

«Дамиан, — подумала я, глядя в чёрную воду порта, где угадывались силуэты мачт. — Я спешу. Как же хочется поскорее увидеть твоё надменное, вечное лицо. Чтобы в следующий раз плюнуть в него не словами, а делом. Или... чтобы узнать, для чего ты всё это затеял.»

Один из мужчин жестом указал направление — к тёмной неприметной шлюпке у дальних свай. Я стянула плащ туго, подняла капюшон скрывающий лицо и сделала первый шаг навстречу новому бегству. Судьбе. Войне.

Глава 2.

Путь к кораблю был ещё одной главой в учебнике конспирации. Мои провожатые вели меня не по оживлённым причалам, а вдоль задворков порта — через зловонные переулки заваленные гниющими отбросами и пустыми бочками, мимо складов, от которых пахло рыбой, смолой и крысиным страхом. Мы двигались от одной тени к другой как призраки. Плащ, пахнувший чужой жизнью, казался мне одновременно и щитом, и саваном.

Наконец, в просвете между двумя полуразвалившимися сараями показалась вода — чёрная, маслянистая, бесшумно лижущая заросшие тиной сваи. И у самой дальней, самой тёмной из них качалась на коротком канате даже не шлюпка, а крошечная, потрёпанная лодчонка. Её единственный пассажир, сторбленная фигура с веслом, даже не повернул головы при нашем приближении.

— Здесь, — тихо бросил первый из моих стражей. Его голос был едва слышен над скрипом снастей где-то вдали.

— Он вас переправит. Удачи на борту, — добавил второй и в его тоне прозвучала странная формальность будто он отчитывался не мне, а кому-то невидимому.

Они не стали прощаться. Просто растворились в темноте, из которой вышли, оставив меня одну на краю скользких досок причала. Лодочник, наконец, поднял голову. В глубоком капюшоне было лишь пятно более густой тьмы и блеск одного единственного, бесстрастного глаза.

— Садись. Быстро, — просипел он голосом похожим на шелест сухих листьев.

Я ступила в лодку, и она болезненно накренилась, зачерпнув немного ледяной воды мне на сапоги. Лодочник оттолкнулся от сваи одним сильным и точным движением весла, и нас понесло в чёрный провал между двумя высокими бортами торговых бригов. Мы плыли в полной тишине, нарушаемой лишь редким всплеском весла и моим собственным, слишком громким дыханием. Я смотрела на удаляющиеся огни порта — крошечные, жёлтые, чужие. Они были последней нитью, связывающей меня с этой точкой на земле. С тем местом, где я перестала быть деревом. Теперь эта нить разорвалась.

Внезапно из темноты впереди выросла стена. Тёмная, высокая, почти неотличимая от ночного неба. Это был борт корабля. Не яркого, не пахнущего новизной, а старого, испытанного штормами судна. Его деревянные борта были покрыты слоями смолы и ракушек, пахли солёной гнилью, тиной и чем-то ещё — железом, порохом? По борту не бегали матросы, не слышно было песен. Лишь на самой верхней палубе тускло мерцал одинокий фонарь, бросая дрожащие блики на воду.

Лодка бесшумно подошла к почти невидимой в темноте верёвочной сетке, свисавшей за борт. Лодочник кивнул на неё.

— Залезай. Тебя там ждут.

Мои руки, незнакомые с таким усилием, вцепились в мокрые, жёсткие верёвки. Каждое движение давалось с трудом. Плащ тянул вниз, мокрые сапоги скользили. Я карабкалась как неуклюжий зверёк, ощущая, как подо мной зияет холодная бездна воды, а над головой нависает тёмное чудовище корабля. Сотни лет неподвижности мстили мне за эту попытку быть ловкой. Но адреналин и ярость — ярость на собственную слабость — гнали вверх. Наконец, я перевалилась через фальшборт и рухнула на твёрдые, покачивающиеся доски палубы.

Надо мной стояли двое. Не такие как те двое с причала. Эти были другими — крупнее, молчаливее, с лицами, изрезанными морщинами и шрамами, а не тревогой. Они смотрели на меня не как на спасаемую, а как на груз. На рискованный, нелегальный груз.

— С ней, — коротко бросил один из них второму и, развернувшись, зашагал прочь, к капитанскому мостику.

Второй мужчина, мордастый великан с руками толщиной с мое бедро молча указал мне следовать за ним. Мы прошли по пустынной верхней палубе, спустились по узкому, скрипучему трапу в полумрак межпалубного пространства. Воздух здесь был густым, спёртым, пропитанным запахами солонины, немытых тел, плесени и крысиного помёта. Где-то за тонкими переборками слышались храп, бормотание, звон посуды. Но нас никто не встретил.

Мой проводник остановился у неприметной двери в самом конце коридора у самого носа корабля. Там, где качка чувствуется сильнее всего.

— Твоя каюта. Не выходить. Не шуметь. Еду принесут. Сиди там как мышонок ! Понятно? — грозно отбарабанил он и вручил мне тяжёлый железный ключ. Его голос был груб как наждак и не оставлял места для вопросов.

«Мышонок?» — пронеслось у меня в голове, что-то внутри ёкнуло от абсурдного узнавания. «Неужели? Нет, не может быть... Это же не Бо, перекраивающий свою сущность под личину старого морского волка? Дамиан, это твоя шутка? Не смей меня!»

Мысль промчалась вихрем, смешным и пугающим одновременно. Нелепость ситуации — столетие в дереве, освобождение, бегство, и вот теперь этот морской громила цитирует моего возлюбленного — ударила по нервам не страхом, а истерической, почти болезненной радостью. На моих губах, помимо воли, заиграла усмешка — острый, беззвучный смешок над всем миром и над самой собой. Он её не заметил или счёл за гримасу покорности. А может, ему было просто наплевать.

Сейчас я была в крайне странном, приподнятом состоянии. Голова лёгкая будто набитая ветром и звоном. Каждое ощущение — скрип половицы, солёный воздух, грубость ключа в ладони — казалось невероятно ярким. Это ликование вырвавшейся на волю птицы? Или это начало сумасшествия? А может - и то, и другое сразу? После Ведьминого дерева грань между здравомыслием и безумием казалась такой же зыбкой как линия горизонта в этом ночном море.

Я взяла ключ. Холод металла был единственной твёрдой, неоспоримой реальностью в этом качающемся мире. Мышонок? Что ж. Мыши тоже бывают разные. Некоторые точат самые крепкие корни. И некоторые кусаются.

— Понятно, — сказала я тихо, опустив глаза, идеально сыграв роль запуганного груза.

Но внутри, за этой маской, уже строились планы. И первым из них было — выяснить чью же именно игру я теперь вынуждена вести.

Он наконец ушёл. Его тяжёлые шаги поскрипывали по доскам постепенно затихая.

Я повернула ключ в скрипучем замке и толкнула дверь. Каюта была крошечной как камера. Деревянные стены, узкая койка, привинченный к полу столик и крошечный иллюминатор , затянутый мутным, непроницаемым стеклом. Всё пахло сыростью, старым деревом и одиночеством.

Я заперла дверь изнутри, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Под ногами чувствовалась живая, неустанная вибрация корабля — глухой рокот чего-то огромного в трюме, лёгкая дрожь корпуса, встречающего первую волну на открытой воде. Мы отплывали.

«Ваш друг будет ждать на борту».

Я медленно выдохнула, сбросила промокший, чужой плащ на пол и подошла к иллюминатору. Снаружи была только густая, непроглядная тьма и редкие белые гребешки волн. Ни земли, ни прошлого, ни будущего. Только этот деревянный ковчег, уносящий меня в неизвестность.

Снаружи, на палубе, раздался протяжный, тоскливый крик чайки. Корабль, набирая ход, кренился на левый галс, унося меня прочь от берега — и прямо навстречу всем призракам, всем войнам и всем ответам, которые я, возможно, уже не хотела слышать.

«Ну что ж, друг мой, — прошептала я в темноту каюты, и в голосе прозвучала не надежда, а холодная, острая готовность. — Покажись. Давай посмотрим, ради чего ты меня вызволил!»

Глава 3.

Внезапный стук в дверь вырвал меня из пучины тяжёлых раздумий. Не Дамиан — его удары были бы твёрже, словно обтёсанный камень. Эти же звучали нервно, сбивчиво, с оттенком юношеской неуверенности.

— Леди Вероника, это я! — донеслось сквозь толстые доски. Голос был молодым, срывающимся, окрашенным акцентом городских доков — и абсолютно чужим.

Сердце ёкнуло, посылая сигнал тревоги. Я медленно подошла, не дыша.

— Кто «я»? — спросила я, не открывая, поставив ладонь на холодное дерево.

— Это Джек! Ваш друг! — в ответе прозвучало что-то вроде робкой надежды, будто он ожидал, что это имя вызовет восторг.

Джек. Имя вонзилось в сознание словно осколок льда. Не принесло облегчения, а разверзло старую, плохо зажившую рану. В памяти всплыл не образ больного мальчика, а сцена хаоса и ужаса. Я была ещё не ведьмой, а испуганной, потерянной девушкой, в которой что-то чужое и могучее только начинало просыпаться. Паника. Крики. Щелчок где-то на самом дне души — и взрыв дикой, неконтролируемой силы, вырвавшейся наружу, как пар из лопнувшего котла. Свет, боль, грохот, запах жженой плоти . Я убила его. Это был не акт милосердия как утверждал Дамиан , а акт слепого, животного ужаса.

И вот теперь этот голос из-за двери утверждал обратное.

Адреналин ударил в виски. Это ловушка. Это должно быть ловушкой — изощрённая пытка Дамиана, который знает все мои грехи. Но любопытство, остроконечное и ядовитое, было сильнее страха. Я повернула ключ и распахнула дверь.

Воздух застрял в лёгких.

Передо мной стоял он. Тот самый мальчик, но будто скопированный и дорисованный временем. Ему было лет девятнадцать. Высокий, с гибкой и подтянутой фигурой юнги, закалённой морскими канатами. Густые, тёмные, почти смоляные волосы выбивались из-под потёртой матросской повязки. Лицо — не детское, но ещё не огрубевшее окончательно, с резким, упрямым подбородком и парой свежих царапин на скуле. Загар, ветер, труд — всё было на месте. Но самое невозможное — в его тёмных глазах не было ни тени обвинения, ни страха. Только живое, почти восторженное внимание, обращённое на меня.

— Джек... — имя сорвалось с губ хриплым шёпотом. Мир поплыл. Это был не мираж. Он был плотным, реальным. Под кожей щеки, куда я, не помня себя, протянула дрожащие пальцы, пульсировала тёплая кровь. Ни шрамов, ни следов того давнего взрыва. Только лёгкая щетина.

— Вы... вы не узнаете меня? — он смутился от прикосновения, но не отпрянул, приняв его за что-то само собой разумеющееся.

«Не узнаю? Я вижу тебя каждый раз, когда закрываю глаза. Ты — призрак в самом центре моего кошмара».

— Ты... ты очень сильно возмужал, — выдавила я, чувствуя, как по щеке скатывается первая, предательская слеза. Я думала, что плакать разучилась навсегда, что дерево высало все слёзы, оставив лишь смолу. Но нет. Вина, живая и нестерпимая, оказалась сильнее. Она била изнутри, требуя выхода. Слёзы были горькими, солёными, полными немого вопроса: КАК?

— Да, я заметно подрос с момента нашей последней встречи! — он засмеялся, и в этом смехе не было ни намёка на ту ночь.

Его лицо озарила открытая, лучезарная улыбка — та самая, на которую у него не было времени тогда в хижине Руди. Та, о которой я, в самые чёрные минуты, иногда позволяла себе безумно мечтать: «а что, если бы он выжил?». И вот она была здесь, передо мной, в этом про-

клятом, невероятном мире. Не утешение, а ещё более сложная загадка. Какую роль он играет ? Живое искупление? Или самая изощрённая часть наказания Дамиана — вернуть мне мою невинную жертву, чтобы я смотрела ей в глаза каждый день?

— Сколько же времени прошло, Джек? — спросила я, цепляясь за этот вопрос как за спасательный круг, пытаюсь понять ход времени в этой новой реальности.

— Вы не помните? — он искренне удивился. — Целых пять лет! Последний раз мы виделись когда мне было четырнадцать. Прямо перед тем как мать отправила меня юнгой на «Морскую Тень» — подальше от города и... — он понизил голос, — ...и от той смуты, что началась после... ну, вы знаете. После всего того. Я так рад, что теперь могу отплатить вам! Спасибо за всё, что вы сделали!

Его слова обожгли.

«Спасибо». За убийство? Нет. Значит, в этой версии прошлого всё сложилось иначе. Здесь я не убийца. Здесь я — его спасительница? Героиня? Головокружение усилилось.

— Не за что... — пробормотала я автоматически, голос звучал чужим. — Джек... как долго нам плыть?

— Вас не предупредили? — его удивление, кажется, не знало границ. — До Тёмных Земель — добрых два месяца. Если, конечно, Непокойный Пролив и обитатели Глубин нас пощадят.

— Обитатели Глубин? — я не смогла сдержать лёгкой иронии. После того, как сама была частью дерева, сказки о морских чудовищах казались почти домашними.

— Это не шутки, леди Вероника ! — он серьёзно нахмурился, и в его глазах мелькнул неподдельный страх. — Я видел... тени, что больше корабля. Щупальца толщиной с мачту. Говорят, что они чувствуют магию. Чувствуют таких как вы ... Но вы не бойтесь, — он тут же выпрямился, пытаюсь выглядеть храбрым. — Капитан... он... он знает своё дело. Хотя... — энтузиазм вдруг покинул его, лицо помрачнело. — ...вам правда лучше не показываться. Женщина на корабле — к беде. А такая, как вы... вдвойне.

— Я постараюсь не... — начала я, но мысль оборвалась.

Дверь с грохотом отлетела, ударившись о стену так, что зазвенели стёкла в потолочном фонаре. В проёме, затмив собой скудный свет коридора стоял исполин. Он не вошёл — он вплыл в каюту, и пространство сжалось, наполнившись запахом морской соли, пота, рома и неоспоримой, грубой власти.

Джек вжался в угол превратившись в бледное пятно.

— Ка-капитан, я могу объяснить... — залепетал он.

Но капитан его не слышал. Его взгляд, холодный и острый как айсберг, пронзил меня, скользнул по лицу Джека и вернулся ко мне. На лице этого человека — обветренном, изрытом шрамами и яростью — не было простого гнева. Было нечто более глубокое: узнавание, смешанное с презрением и... странным, ледяным интересом.

— Так слухи правду говорят, — его голос был низким рокотом, в котором слышался скрежет такелажа во время шторма. — На моём судне прячут ведьму. И не абы какую. Ту самую из старых сказок и новых кошмаров.

Я подняла голову, встретила с его взглядом — и мир перевернулся.

— Воланд... — выдохнула я, и в этом одном слове был и ужас, и ошеломление, и ледяное понимание. Джек, стоявший между нами бледный и испуганный, внезапно оказался не просто мальчиком из прошлого, а живым щитом, заложником и, возможно, ключом в новой, только что начавшейся игре, ставки в которой были ещё страшнее, чем я могла предположить.

Глава 4.

— Как ты смеешь бормотать моё имя?! — взревел Воланд, и его голос, казалось, не просто прозвучал, а ударил по стенам каюты, заставив дребезжать стакан на умывальнике. Он сделал шаг вперёд, и его огромная тень поглотила и меня, и бледного Джека. В этом рёве была не просто ярость капитана на нарушившего устав. В нём сквозила личная, древняя обида, будто я коснулась чего-то запретного. — Ты, чёртова шельма, знаешь, кому оно принадлежит?!

— Капитан, капитан, прошу вас... — Джек, забыв о собственном страхе, бросился вперёд, пытаясь встать между нами, жестом умоляя о снисхождении. — Она не хотела, это я...

— Молчать! — Воланд даже не взглянул на него. Широкая ладонь метнулась в сторону юнги и отшвырнула его в угол с такой лёгкостью, с какой смахивают со стола крошки. Джек ударился о переборку с глухим стуком и затих, прижавшись к стене. — Твою болтовню я потом выслушаю, щенок. А сейчас, — его взгляд, холодный и острый как ледоруб, вернулся ко мне, — говори, ведьма. Кто этот придурок, что тебя протащил? Кто из моих ребят повелся на твои золотые монеты или, что более вероятно, на твои проклятые чары? Кто продал мою безопасность за улыбку и пару тёплых взглядов?

Я отступила на шаг, натываясь спиной на край койки. Воздух в каюте стал густым и едким как пороховой дым после выстрела. Видеть его таким — не нежным любящим Воландом, а грозным, дышащим яростью исполином — было ошеломляюще. Мозг отказывался соединять образы. Но времени на адаптацию не было.

— Я... я ничего не делала, — выдавила я, и мой голос прозвучал тихо, потерянно, что лишь разъярило его сильнее. — Мне сказали, что капитан в курсе...

— В курсе?! — он фыркнул, и звук походил на рычание дикого зверя. Слюна брызнула с его губ. — Я прикажу скинуть тебя за борт прямо сейчас с камнем на шее, чтобы даже русалкам твоё смрадное тело не досталось! Хотя нет... — Он внезапно замолчал и его взгляд, изучающий, почти лакомый, медленно пополз по мне, от дрожащих пальцев до запрокинутого лица. В глубине его глаз, там, где минуту назад бушевала чистая ярость, заплескались странные, озорные огоньки. — Нет. Это я сделаю сам. Собственными руками. Чувствую, будет... познавательно.

Мысль стремительно пронеслась в голове: это не мой Воланд. Как Бенедикт в облике моего любимого мужчины никогда не был моим Бо. Учусь. Обещала учиться на ошибках.

— Я могу сойти в ближайшем порту! — мой голос окреп, обрёл сталь. Я выпрямилась, глядя ему прямо в лицо, игнорируя леденящий душу страх. — Я не просилась на ваш корабль, капитан. Меня ввели в заблуждение. Вы имеете полное право решать кто будет на вашем судне. Я прошу лишь дать мне возможность покинуть его при первой же возможности не нарушая ваших плаваний.

Воланд замер. А потом... его тело содрогнулось. Сперва тихо, потом сильнее и наконец каюта огласилась грохочущим, неудержимым хохотом. Он смеялся так будто слышал лучшую шутку в своей жизни, хватая себя за бока и заливаясь. Слезы выступили у него на глазах.

— В ближайшем порту?! — выдохнул он сквозь смех. — Детка, ближайший порт — это гнилушка в двух неделях ходу, но даже там тебя сожрут с потрохами, едва учув что ты такое!

— Я говорю абсолютно серьёзно, — отрезала я, не поддаваясь на его истерику. — Я понимаю ситуацию. Я — проблема. Давайте решим её цивилизованно. Ваш гнев оправдан, но направлен не туда. Ищите предателя среди своих, а не мучайте жертву обмана среди незваных гостей.

Смех Воланда оборвался так же внезапно, как и начался. Он пристально, с новым, нехорошим интересом посмотрел на меня.

— Ах, вот оно что... Рассудительная ведьма. Любопытно, — проворчал он. — Ладно. Пойдём. Здесь нечем дышать.

Не дав мне опомниться, он схватил меня за предплечье — его хватка была железной, обещающей синяки — и потащил из каюты, бросив через плечо Джеку: «Не выходить!». Мы промчались по узкому коридору, взлетели по крутой лестнице и оказались перед массивной дверью, отделанной тёмным деревом. Он толкнул её плечом.

Мы ввалились в просторную каюту — не убогую клетушку, а настоящее обиталище, пахнущее воском, дорогим табаком, кожей и властью. В дальнем углу на широкой койке раскинувшись с непринуждённостью полного хозяина, лежала ещё одна мужская фигура полускрытая тенями.

— Подъём! — рявкнул Воланд, захлопывая дверь. — Это твоих рук дело?!

Он резко толкнул меня вперёд к центру каюты. Я едва удержалась на ногах, чувствуя себя не человеком, а вещью, куклой в этой грубой мужской разборке.

С койки донёсся ленивый и насмешливый вздох.

— Капитан, капитан... Ну не сердись ты так. Плата была более чем щедрой. Ты мне ещё спасибо скажешь, когда мы разделим счёт.

Этот голос. Каждая его интонация была выжжена в моей памяти огнём и ненавистью. Я узнала бы его из любого кошмара, сквозь грохот веков.

И вот он медленно поднялся и вышел в полосу света. Высокий, изящный, в безупречно сидящем, хоть и простом, одеянии. И всё то же лицо — высеченное из айсберга высокомерия, с вечной, язвительной ухмылкой, тронувшей губы.

Дамиан.

Кровь ударила в виски. Вся ярость, всё отчаяние, вся боль столетий в дереве сжались в комок в горле. Я сглотнула, впиваясь в него взглядом, пальцы непроизвольно сжались в кулаки. Он здесь.

— Я прикажу выкинуть её за борт СЕЙЧАС ЖЕ! — заревел Воланд ударив кулаком по столу так , что затрещали доски.

— Да брось, старина! — Дамиан махнул рукой, а его глаза, холодные и насмешливые, скользнули по мне. — Мы же с тобой не разлей вода. И потом, посмотри на неё. Довольно симпатичная игрушка, согласись. Жалко, если такое добро пропадёт в пучине. Особенно... после столь долгого пути.

Каждое его слово, каждый взгляд были уколом. Он наслаждался. Наслаждался моей беспомощностью, яростью Воланда, всей этой унижительной ситуацией. Как же я мечтала в эту секунду не о мести, а о самом простом: стереть с его лица эту ядовитую, самодовольную ухмылку одним точным ударом.

Воланд тяжело дышал, его могучая грудь ходила ходуном. Он посмотрел на Дамиана, потом на меня, и в его взгляде шла борьба: ярость против расчёта, принципы против обещанной выгоды.

— Ладно! — выдохнул он наконец, слово вырвалось как пробка. — Делай с ней что хочешь. Но чтобы я её не видел и не слышал! Ни на палубе, ни в столовой, нигде! Пусть живёт в твоей каюте, если тебе так приспичило. Сюда, по крайней мере, ни одна душа не сунется без спроса.

— Как скажешь, брат, как скажешь, — тут же, сладко согласился Дамиан, и его ухмылка стала ещё шире, ещё невыносимее. Он упивался своей победой, моим унижением, своей властью над ситуацией.

Воланд, сдавленно рыча что-то себе под нос, развернулся и вывалился из каюты, хлопнув дверью с такой силой, что с полки слетела тяжелая книга.

Звук захлопнувшейся двери отзвучал. Наступила тишина, густая, звенящая, наполненная только мерным скрипом корабельных балок и нашим дыханием. Я стояла, не двигаясь,

впившись взглядом в Дамиана. Он медленно облокотился о стол, приняв непринуждённую позу, и встретил мой взгляд. Наша немая дуэль длилась вечность. В его глазах не было ни страха, ни угрызений совести — лишь холодное, аналитическое любопытство и та самая, неистребимая насмешка. Он изучал меня как редкий и опасный экспонат, который наконец-то доставили в его коллекцию.

И вот он наконец нарушил тишину. Его голос прозвучал тихо, почти задушевно, и от этого каждое слово обожгло сильнее крика.

— Знаешь, Вероника, — начал он, и его губы снова тронула эта проклятая усмешка, — как это ни дико, не думал, что скажу это... но я чертовски рад тебя видеть.

Всё напряжение, вся ярость, весь холод внутри меня сконцентрировались в одном ясном, отточенном, как клинок, чувстве.

— Пошёл ты к черту, — выдохнула я. Голос не дрогнул. В нём не было истерики. Была лишь абсолютная, ледяная, безоговорочная неприязнь.

— Как я могу пойти к черту, если я сам и есть черт? — Дамиан залился раскатистым, бархатным смехом, который наполнил кабину будто звук дорогого коньяка, наливаемого в хрустальный бокал. Но в его глазах, холодных и оценивающих, не дрогнула ни одна морщинка от искренней веселости. — Ведь именно так ты думаешь обо мне, не правда ли, Вероника ?

Дамиан смеётся. Эта мысль ударила меня с такой силой, что я на миг застыла. Он умел улыбаться — кривой, отточенной усмешкой похожей на лезвие. Он умел сдержанно усмехаться в уголке губ. Но этот открытый, раскатистый звук... Он был чужим. Неправильным. Я никогда не видела и не слышала его таким. Это было страшнее чем любая его ледяная ярость.

— Я смотрю, тебе несказанно весело! — выдавила я язвительно, вкладывая в голос всю накопившуюся за сто лет горечь. Мои пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

— А ты думала, что у меня не бывает хорошего настроения? — он притворно удивился, подняв одну изящно очерченную бровь. Его взгляд скользнул по моему лицу считывая каждую трещинку в моём напускном равнодушии и снова остановился на моих глазах. — Ох, Вероника, Вероника... Ты столько всего пропустила. И сколько всего интересного ждёт тебя впереди!

Он произнёс последнюю фразу с медлительным, сладостным ударением, словно растягивая во рту изысканный десерт. И в этом «интересном» слышалось не обещание приключений, а намёк на новый лабиринт, на новую ловушку, на новую боль, которую он уже, должно быть, придумал специально для меня. Его смех сменился тихой, едва уловимой улыбкой — той самой, знакомой и смертельной. И стало ясно, что этот внезапный хохот был лишь театральным жестом, первой нотой в новой, ещё не сыгранной для меня симфонии манипуляций.

Глава 5.

— Расскажи мне всё как есть! — потребовала я, и мой голос, низкий и хриплый от сдавленной ярости, разрезал тяжёлый воздух каюты. Я стояла, вцепившись пальцами в край грубого стола, чувствуя, как под ногами мерно покачиваются доски, а где-то в глубине трюма постанывает натянутый такелаж.

— Вероника, Вероника... — протянул Дамиан с притворной печалью, делая маленький, изящный шаг в сторону. Свет масляного фонаря играл на чертах его лица, то высвечивая холодную прозрачность глаз, то пряча их в тени. — А что именно «как есть»? Истина — понятие весьма растяжимое. Для тебя, к примеру, «как есть» — это кошмар, в котором ты оказалась. Для меня — неизбежная последовательность событий.

— Ты прекрасно знаешь о чём я! — яростно выдохнула я. — Я хочу знать куда я попала! Какую войну развязало моё освобождение! И зачем всё это?!

— Ну, войны, стоит отметить, пока нет... — он усмехнулся своей коронной, отточенной усмешкой, уголок губ приподнялся ровно настолько, чтобы показать превосходство, но не искреннюю радость. — Пока есть лишь... оживлённое ожидание. Предгрозовая тишина, если угодно.

Я отвернулась, чтобы не видеть этого выражения, мой взгляд упал на иллюминатор, за которым клубился ночной туман.

— Воланд тоже здесь, — заметила я, стараясь говорить ровно. — Но он... другой. Изменённый. Как будто его вылепили из того же теста, но по другой памяти. Как это было с Бенедиктом.

— Да, Вероника, — кивнул Дамиан, и в его голосе прозвучало нечто, отдалённо напоминающее уважение. — Ты удивительно наблюдательна. И да. В этой конкретной... реальности, скажем так, из прежних лишь мы с тобой. Двое старых знакомых в совершенно новом мире.

— О, нет! — резко обернулась я к нему, а в голосе зазвенела сталь. — Ты ошибаешься! Прежней Вероники больше нет! Её оставили там, в той коре, вместе со страхом и наивностью.

— Удивительно! — воскликнул Дамиан с неподдельным, почти клиническим интересом, прищурившись. — И кто же сейчас передо мной? Новая, улучшенная Вероника? Без страха и упрёка?

— Ты оставил меня в дереве, — продолжила я, игнорируя его вопрос, вдавливая каждое слово, как гвоздь, в пространство между нами. — Хотел наказать. Чтобы последнее слово, как всегда, осталось за тобой. Чтобы я поняла всю беспомощность. Сколько я там провела?

— Где? — невозмутимо спросил он, поднося к губам бокал.

— В ДЕРЕВЕ! — мой голос сорвался, превратившись в сдавленный крик, который, казалось, вобрал в себя скрип ветвей, шепот листьев и тишину ста лет. — Сколько я там пробыла, Дамиан?! Цифру! Дайте мне цифру, а не свои философские рассуждения!

— Я был уверен, что ты знаешь... — он слегка наклонил голову. — Я ведь слышал тебя всё это время. Твой монолог. Ты постоянно твердила про сто лет. Сто лет в дереве, сто лет боли, сто лет одиночества... Это стало твоей мантрой.

— Ты же не хочешь сказать, что я и правда провела там сто лет? — голос стал тихим, опасным. — Это время казалось вечностью! Я сравнивала его со столетием, да! Даже с целыми веками! Но я хочу знать, сколько прошло на самом деле! Вне моего разума!

Он выдержал паузу, наслаждаясь моментом, словно сомелье, оценивающий букет редкого вина.

— Ну... Ты оказалась права в своих оценках. Поразительно точно.

— Что? — я прошептала. — Что?! — уже закричала, и злость, острая и животная, поднялась комом в горле. — Я правда провела там СТО ЛЕТ? Я НЕ ВЕРЮ!

— Но это так, — его фраза прозвучала с убийственной, спокойной чёткостью, как приговор, зачитанный в пустом зале суда.

Всё внутри оборвалось. Воздух перестал поступать в лёгкие. Сто лет. Не год, не десять — век. Целая человеческая жизнь, прожитая в неподвижном кошмаре. Мои знакомые, улицы, запахи, смех — всё это теперь было пылью в истории. Я никогда уже не вернусь в свой мир, в такой мир каким я его помню, каким я его когда-то знала.

— Как ты мог... За что... — прошептала я, и предательские, жгучие слёзы, которых я так стыдилась, брызнули из глаз, оставляя солёные дорожки на щеках. Я отвернулась, но было поздно — он уже видел.

А потом мысль, острая и ледяная, пронзила отчаяние.

— Сколько времени прошло для тебя? — спросила я, поднимая на него мокрое от слёз, но теперь абсолютно ясное лицо.

Дамиан замер. На долю секунды в его глазах мелькнуло неподдельное удивление, почти восхищение. Он не ожидал такого поворота.

— Хороший вопрос, Вероника. Ты, безусловно, быстро учишься. Впитываешь правила нового мира.

— Так сколько? — я не отводила взгляда, полного немой ненависти, смешанной с отчаянной жадью знать.

— Ну, скажем так... — он сделал паузу, выбирая слова. — Время без тебя, конечно, тянется мучительно... Но для меня, в этом потоке реальности, прошло ровно... три дня.

Три дня.

Эти два слова повисли в воздухе, тяжелее якоря.

— Три дня, — повторила я беззвучно, ощущая, как в душе что-то окончательно и бесповоротно ломается. — Сильно... Ты сильно наказал меня.

— Не надо воспринимать это как наказание, Вероника! — он внезапно сделал шаг вперёд, и в его голосе впервые прозвучали ноты, похожие на искренность. Это было опаснее всего. — Твои собственные действия привели к этому исходу. Я лишь... дал тебе время подумать. Возможность переоценить всё.

— Подумать?! — я взревела, и этот звук был нечеловеческим, рождённым в глубине ведьминоного дерева. — Что ж! Я подумала! Я провела в раздумьях целый век!

— И? — он мягко спросил, и на его губах снова заплесала та самая ухмылка. — К чему же ты пришла в своих столетних медитациях?

— Тебя это абсолютно не касается! — злобно прошипела я, стирая слёзы тыльной стороной ладони. — Давай просто играть дальше в твою игру. Я лишь хочу, чтобы это поскорее закончилось.

— Ну тут, Вероника, всё зависит только от тебя! Снова. — развёл он руками, изображая беспомощность.

— Я могу, например, прямо сейчас взбесить Воланда, и он скинет меня за борт, разве нет? — я усмехнулась, но в усмешке не было веселья, только вызов. — Быстрое и элегантное решение.

— Ах, нет, дорогая, так это не работает! — он покачал головой с видом учителя, объясняющего упрямому ребёнку азы арифметики. — Это было бы слишком... просто.

— Ах, ну да! — воскликнула я с фальшивой догадкой. — Ты сделаешь меня песчинкой на дне морском! Я проведу там ещё пару столетий, пока не начну делать то, что ты хочешь. Правильно? Так может, ты уже скажешь, что именно тебе от меня надо? Чего ты ждёшь?

— Вероника, — он вздохнул, и в этом вздохе внезапно прозвучала усталость, настоящая или блестяще сыгранная — я не могла понять. — Мне не нужно от тебя ничего конкретного. Странно, что ты до сих пор не поняла этого. Я... помогал тебе. Хотя и зарекался никогда не делать это снова.

— Помогал... — я фыркнула, и в груди заныла старая, знакомая боль. — Хорошо! Тогда помоги мне ещё раз. Дай информации. Я снова ведьма?

Он прищурился, изучая меня.

— А ты бы этого хотела?

— Давай назовём это иначе, — парировала я. — Я обладаю силой?

— Безусловно, — кивнул он без колебаний. — Это неотъемлемая часть тебя. Она никуда не делась. Она просто... спала.

— И какая это сила? — спросила я, чувствуя, как в груди что-то ёкает — то ли страх, то ли забытое, тёплое оживание.

— А какую ты хочешь? — он снова увёл вопрос, как опытный фехтовальщик.

— Я хочу силу, чтобы больше никогда тебя не видеть! — выкрикнула я, и в голосе снова зазвенела вся моя накопленная ярость.

— Этот момент настанет, — задумчиво, почти про себя прошептал он. — Только ты сама не знаешь, хочешь ли ты этого на самом деле.

— ХОЧУ! Больше всего на свете! — закричала я, не в силах сдержаться.

— Тише, Вероника, — он резко поднял руку, и его голос стал низким, предостерегающим. — Не стоит привлекать лишнего внимания. Здесь не место для истерик.

— Да какая теперь разница?! — почти выла я, но всё же понизила голос под давлением его ледяного взгляда. — Что ещё может произойти? Кого мне бояться кроме тебя?

— Это не простые морские просторы, Вероника, — он произнёс это медленно, подчёркивая каждое слово. — А ты — далеко не простой пассажир. Пожалуй, я открою тебе часть правды, так уж и быть, в награду за твою... настойчивость. Этот корабль, как и весь его экипаж, обречён. И обречён на скорую и ужасную гибель. И только от тебя теперь зависит, кто из находящихся на борту имеет шанс спастись. Если такие вообще есть.

— Что? — моё дыхание перехватило. Глаза расширились, пытаясь найти в его лице хоть след насмешки, но находили лишь холодную, неумолимую серьёзность. — Что ты сказал?

— Именно так, — подтвердил он, и в его глазах вспыхнул тот самый знакомый, страшный интерес, интерес экспериментатора, наблюдающего за развитием реакции. — Времени, поверь мне, совсем мало. И тратить его на наши старые, милые склоки — непозволительная роскошь. Игра вступила в новую фазу, Вероника. И на кону уже не твоя месть или моё развлечение. На кону — жизни всех, кто находится на этом проклятом судне. Включая, как ни странно, и нас с тобой .

Глава 6.

Как бы чудовищно и странно это ни звучало, но мне пришлось лечь спать в одной каюте с Дамианом.

Дамиан.

Мой главный враг и палач. Архитектор моего столетнего кошмара. Существо, которое появлялось на изломах судьбы, как тёмная отметина на полотне моей жизни. К которому, в минуты абсолютной беспомощности, я взывала в мыслях — несмотря на всю ярость, всю ненависть, всю клятву никогда не простить. И вот он лежит здесь, в полуметре от меня. Его дыхание, ровное и почти бесшумное, было единственным звуком, кроме скрипа корпуса и далёкого гула океана.

Места в каюте было отчаянно мало — узкая, привинченная к стене койка, на которой мы оба умещались, лишь застыв в неестественных позах, боясь шелохнуться. Мы лежали, как две статуи на одном саркофаге, разделённые пропастью воспоминаний и невысказанных обвинений. Я уткнулась лицом в прохладную, грубую ткань подушки, чувствуя, как каждый мускул напряжён до дрожи. Он лежал на спине, его профиль чётко вырисовывался в синеватом мраке, куда не доходил свет фонаря за иллюминатором.

Молчание было густым, тяжёлым, как смола. Оно звенело в ушах громче любого шторма. И в этой тишине время снова сыграло со мной злую шутку. Сцена была до жути знакомой. Два тела, одно пространство, непреодолимая дистанция. День, когда он оставил меня умирать в дереве. Тот вечер, когда он стоял и смотрел, а потом просто ушёл. Мы оба помнили. Эта память висела между нами, как призрак.

— Дамиан... — имя сорвалось с моих губ неожиданно, тихо, почти против моей воли, разорвав заговор молчания.

— Да... — его тихий, бархатистый голос разрезал темноту, но он даже не повернул голову в мою сторону.

— Ты не спишь? — спросила я, удивлённая тем, что он ответил.

— Едва ли это возможно в нынешних... обстоятельствах, — в его голосе прозвучала усталая ирония.

— Но ведь это ты настоял, чтобы мы были здесь. Вместе.

— Тебе так кажется, — он устало вздохнул, и звук этот был непривычно человеческим. — Я не знал, как поведёт себя Воланд. Я... не ожидал такой ярости. Такого неприятия. Я просчитался.

В его признании была капля уязвимости. Крошечная, но настоящая. Она обожгла сильнее, чем любая насмешка.

— Я хотела тебя спросить... — начала я, глядя в потолок, по которому от воды за иллюминатором бегали дрожащие световые зайчики.

— Да, — он ответил, всё так же глядя вверх. Мы оба лежали, буквально паря в сантиметрах друг от друга, но дистанция казалась бездонной. Касание кожи к коже в этой тесноте стало бы взрывом, последним сдвигом лавины.

— Я хотела спросить про Воланда.

— Что ты хочешь знать? — его голос стал осторожным, приглушённым.

— Он же твой брат... Твой настоящий, кровный брат.

— Да. Это так.

— И ты говорил про его жену... настоящую жену. Ту, что была в той, прошлой жизни.

— И что? — теперь в его тоне появилась лёгкая, предостерегающая напряжённость.

— Почему я видела их? — моё собственное нетерпение прорвалось наружу. — Эти видения, эти обрывки... Их боль, их любовь. Я чувствовала это! Какая у меня с ними может быть связь? Я ведь даже не знала их!

— Вероника... — Дамиан тяжело выдохнул, и это был выдох человека, держащего на плечах неподъёмную тяжесть. Он замолчал и кажется не собирался ничего говорить .

— Скажи мне, прошу! — голос мой дрогнул от отчаяния. — Ты втянул меня в эту игру, и я начала понимать правила, но так и не поняла смысла! Почему я? Почему всё это происходит со мной?

— Вероника, я устал... — он прошептал, и в этих словах была не попытка отмахнуться, а глубокая, неподдельная усталость, прошившая века.

— Ты устал? — я фыркнула, и в груди вскипела горькая желчь. — А что насчёт меня? Я провела целый век в этом дереве благодаря тебе! Ты мог позволить казнить меня обычным способом, тогда всё закончилось бы за минуту! Это был бы конец! Но ты выбрал это!

— Не мог... — его шёпот был таким тихим, что я едва расслышала.

— Не мог? — я перевернулась на бок, уставившись на его неподвижный профиль. — Хочешь сказать, это моя судьба? Так предначертано?

— Возможно, — это слово повисло в воздухе, зыбкое и многозначное.

— Что же тогда ждёт меня дальше? Чего ждать всем нам на этом проклятом корабле?

— Я не знаю, Вероника, — он сказал честно, и эта честность была страшнее любой лжи. — Всё, как и прежде, зависит лишь от тебя. От твоего выбора. От того, кем ты решишь стать здесь и сейчас.

— Так что насчёт Воланда? — я не отступала, чувствуя, что близка к какой-то грани.

— А что тебе до него? — в его вопросе прозвучал внезапный, острый интерес.

— Кто это был для меня? — выдохнула я. — Я почувствовала с ним такую связь... будто мы были вместе всегда. Но ведь это не мой Бо. Я знаю! Это не он. Ты дал подсказку, но я поняла — это не он. Это было что-то... даже большее. Что-то, чего я и назвать не могу.

— Не мне тебе это рассказывать, Вероника, — он снова отгородился стеной.

— Но ты же знаешь! — я приподнялась на локте, и моя тень заколыхалась на потолке. — Ты знаешь прошлые жизни! Ты видимо... знаешь и мою? Кем я была? Кем я ему приходилась?!

— Не знаю, — резко, почти отрезал Дамиан и отвернулся к стене, прервав наш хрупкий, мимолётный контакт. Жест был красноречивее любых слов — стоп, дальше нельзя.

— Ты знаешь! — настаивала я, чувствуя, как нарастает истерика. — Я не была просто случайным человеком, в которого ткнули пальцем для твоей изощрённой игры! Меня выбрали! Не просто так! Я не знаю, сделал ли это ты, или кто-то... выше тебя. Но выбрали именно меня! И я встретила Воланда! Кому и чем я обязана? И что, чёрт побери, я должна понять?!

— Вероника... — он просто протянул моё имя, как белый флаг, но для меня это было знаком капитуляции врага, а не миром.

— Опять «Вероника»! — зашипела я. — Всегда ты вот так! Словно мой учитель, а я — глупая, нерадивая ученица! Но чему ты меня учишь, Дамиан? Скажи наконец! Какой урок я должна вынести из всего этого ада?!

— Я не могу... — его голос из-за спины прозвучал приглушённо.

— Ты не можешь! А как мне тогда понять?! — слёзы горечи снова подступили к глазам. — Я знаю, что эта жизнь проходит через меня! Я всё чувствую на все миллион процентов! Но Воланд... Воланд был настоящим. Ты был прав. Он был... особенным.

— Я знаю... — его шёпот был полон такой древней, бездонной печали, что у меня на миг перехватило дыхание. — Он всегда был особенным.

— И больше ты ничего не скажешь?

— Нет.

— Это была его судьба? Та, первая смерть? Я слышала тебя тогда, в видении... Ты говорил о судьбе.

— Да.

— И сейчас... его судьба — умереть снова? На этом корабле?

— Возможно.

— Он другой, да... но это Воланд. И я хочу его спасти. Просто скажи что сделать. Дай ключ!

— Я не вправе тебе подсказывать, — его голос снова стал твёрдым, беспристрастным, вернувшись к роли надзирателя.

— Ты не вправе... — я с горечью усмехнулась. — Ты вправе лишь корить меня за каждую ошибку... Ладно. Я постараюсь больше их не совершать. Буду идеальной пешкой.

— Ты сама по себе — ходячая ошибка! — неожиданно, срывающимся от сдавленной ярости голосом воскликнул Дамиан.

Слова повисли в воздухе, острые и ранящие, как осколки стекла. Я резко вскочила на кровати, сердце бешено колотясь.

— Что... что ты имеешь в виду?!

— Ляг, Вероника, — он скомандовал, не оборачиваясь, и в его голосе снова была всё та же ледяная власть. — Давай просто поспим. Нас ждут тяжёлые испытания. Ты потратила слишком много сил на ненужные вопросы.

Я замерла, дрожа от невысказанного. Потом, беззвучно, медленно опустилась обратно на матрас.

— Как скажешь... — прошептала я в темноту, поворачиваясь к стене, спиной к нему.

Но внутри всё бурлило. Воланд... Почему он не покидал мои мысли? Почему не Бенедикт — та красивая, пустая оболочка моего любимого? Почему не душа моего Бо, которую я так и не встретила? Воланд был другим, чужим, но именно его образ вгрызлся в сознание, не давая покоя. Что это была за связь — тянущаяся из какого-то неведомого прошлого, из жизни, которую я не помнила?

И что теперь с этим делать? Как эта странная, необъяснимая тяга отразится на правилах игры? И на той «скорой гибели для всех», о которой он так спокойно сказал?

Я лежала с открытыми глазами, прислушиваясь к его дыханию за спиной. Врагу. Учителю. Тюремщику. И, возможно, единственному, кто знал ответы на вопросы, разрывавшие меня на части. В тесноте каюты, на краю гибели, мы были вместе — связанные цепями прошлого, страха и какой-то невыразимой, общей тайны. И сон в такую ночь был невозможен. Это было лишь затишье перед бурей, которую я чувствовала в каждом ударе своего нового, такого хрупкого сердца.

Глава 7.

Комната была погружена во тьму, настолько густую, что можно было ощутить её вкус на губах — терпкий, как старый бархат и морская соль. Единственным источником света были свечи, расставленные на массивном дубовом столе и в тяжёлых медных подсвечниках на стенах. Их пламя не горело ровно, а плясало в странном, тревожном танце, отбрасывая на стены искажённые, прыгающие тени, которые были похожи на призраков, запертых в этой деревянной коробке комнаты. Воздух был спёртым, пропитанным запахом воска, дерева, дорогого табака и чего-то ещё — острого, животного, запретного. Я стояла перед столом, замороженно следя за языками пламени, пытаясь в их хаотичном движении найти хоть какой-то смысл, укрыться от хаоса внутри себя.

И тут сзади послышались шаги. Негромкие, но уверенные, властные. Они были частью этой ночи, этого помещения, этого... видения или сна ? Я не успела обернуться. Сильные, горячие мужские руки обвили мою талию с такой стремительностью и уверенностью, будто это было их законное место. Я вскрикнула, но звук застрял в горле, превратившись в хриплый вздох.

— Нашёл тебя, — прошептал в самое ухо низкий, хриловатый голос. Его дыхание обожгло кожу на шее, пахло коньяком, дымом и дикой, необузданной силой. — Наконец-то.

— Воланд... — его имя сорвалось с моих губ само собой, шёпотом полным не то страха, не то давно забытого узнавания.

— Да, это я, — он тихо ответил, и в его голосе звучала странная смесь триумфа и муки. Его руки сжали меня ещё сильнее, притянули к себе так, что спина уперлась в его твёрдую, мощную грудную клетку. Я почувствовала жар его тела даже сквозь слои моей тонкой ночной сорочки и его тяжёлой, расшитой рубахи. Он был реальным. Слишком реальным.

— Как же я ждал этого момента, когда смогу прикоснуться к тебе! — его шёпот стал гуще, в нём зазвучала хрипая, не скрываемая более страсть. — Весь день. Вечность. Я сходил с ума.

— Что ты делаешь? — выдохнула я, но голос мой прозвучал невнятно, предательски слабо. Моё тело, вопреки воле, не сопротивлялось, а, кажется, наоборот тянулось к его теплу.

— Я ласкаю тебя, — прошептал он, и одна его рука, большая и шершавая, медленно, неумолимо поднялась с талии и легла мне на грудь, прижимая ладонь к тонкой ткани. Дыхание перехватило. Сердце забило где-то в горле, отчаянно и громко. — Я весь день мечтал об этом. Стоял рядом и притворялся будто ты мне безразлична. Будто я не горю желанием разорвать эту идиотскую одежду на тебе .

— Что... — я снова попыталась протестовать, но мозг отказывался складывать слова в логическую цепь. Что происходит? Почему он здесь? Почему я не кричу?

— Я смотрел на тебя и еле сдерживался, чтобы не наброситься здесь же, при всех! — его голос стал тише, но оттого ещё более проникающим. — Зачем эти глупые игры? Почему бы не раскрыть наконец карты? Ты ведь чувствуешь тоже самое. Я вижу это каждый раз в твоих глазах. Чувствую в дрожи твоего тела.

— Я... я не знаю... — прошептала я, и мой шёпот стал хриплым, грубым от нахлынувшего жара, который разливался изнутри, поджигая всё на своём пути. Его прикосновения были как спички, брошенные в бочку с порохом моих подавленных чувств.

— Скоро мы снова расстанемся, — продолжал он, и его губы коснулись кожи у мочки уха, оставив за собой влажный, горячий след. — И я не знаю насколько. Но я буду помнить. Каждый изгиб твоего тела. Каждый вздох. Каждую дрожь. Ты похитила моё сердце, моя прекрасная, коварная ведьма. Навсегда.

Ведьма? Слово ударило, как обухом. Он назвал меня ведьмой. Он говорил об играх, о картах. Неужели... он тоже помнит? Какой-то отрывок из другого сна, другого времени? Мысли понеслись вихрем, сплетаясь в причудливые, пугающие узоры, задевая какие-то глубоко запрятанные струны в душе. Но я была не в силах их анализировать. Не сейчас. Сейчас было только он. Жар его тела, пожирающий прохладу ночи. Его дыхание, смешивающееся с моим. Его рука, которая уже скользнула под складки моей длинной сорочки и легла на обнажённое бедро. Шершавая кожа ладони скользила по моей коже, продвигаясь медленно, неумолимо ниже, разжигая на своём пути целые пожары.

Что происходит? Я должна остановить это. Остановить сейчас же. Такое со мной уже было. Я уже сгорала дотла в таком же пламени запретной страсти. Я давала себе слово больше не повторять ошибок. Не поддаваться.

— Воланд, остановись! — произнесла я, но голос, окрепший от страсти, звучал как приглашение, а не отказ.

— Почему? — его губы и язык выписывали на моей шее сложные, влажные узоры, от которых ноги подкашивались. — Разве ты не хочешь меня? Твоё тело говорит обратное.

— Мы не можем! — я произнесла чуть громче, пытаюсь вложить в слова твёрдость, но они всё равно вышли хриплыми, разбитыми.

— Но мы уже делали это, — его шёпот был пороховой искрой. — Да, сейчас ты не моя жена. Но это лишь твой выбор. И очень скоро всё изменится. Потому что мы принадлежим друг другу. На уровне души. На уровне плоти.

— Воланд... — я повторяла его имя, как заклинание, как молитву и проклятие одновременно. — Воланд...

Он не давал мне обернуться, не отпускал, но его хватка была не насильственной. Она была... властной. Покоряющей. Я таяла в его руках, как тот самый воск со свечи на столе, теряя форму, волю, память. Его пальцы, уже проникшие внутрь меня, начали свой древний, знающий танец, и по телу прокатились волны такого острого, почти болезненного наслаждения, что я вскрикнула, схватившись за его руку на моей груди. Это были не просто прикосновения. Это были электрические разряды, прожигающие нервные окончания, стирающие всё, кроме этого момента.

Он ласкал меня молча, только его тяжёлое, учащённое дыхание говорило о его собственном возбуждении. И лишь когда моё тело вздрогнуло особенно сильно, на грани, он заговорил тихим, утробным голосом, полным дикого, первобытного торжества:

— Вот видишь... ты всегда будешь моя. Твоя плоть, твоя душа — они отзываются только на меня.

— Воланд, хватит! — взмолилась я уже по-настоящему, чувствуя, как теряю последние остатки контроля.

— Ты всё ещё хочешь, чтобы я остановился? — он приостановил движения, и эта пауза была пыткой хуже любого продолжения.

— Нет... — слово сорвалось с моих губ раньше, чем сознание успело его остановить. Чистая, животная правда.

— Тогда чего же ты хочешь, моя королева? Чего ты требуешь? — его губы снова прильнули к коже.

— Пожалуйста... хватит... — я бормотала уже бессвязно, но мой таз самопроизвольно двигался навстречу его пальцам.

— Хватит чего? — его голос звучал уже не снаружи, а где-то глубоко внутри меня, в самом ядре сотрясаемого судорогами наслаждения тела.

— Хватит меня мучить! — мой голос наконец сорвался на крик, в котором смешались и боль, и невыносимое блаженство, и отчаянная мольба.

— Мои ласки доставляют тебе мучения? — он усмехнулся, и в этой усмешке была тёмная, сладостная жестокость.

Я не выдержала. Все барьеры рухнули. Стыд, страх, обещания — всё сгорело в этом пламени.

— Возьми меня! — прошептала я, цепenea от собственной дерзости. — Я не могу больше терпеть.

— Что, моя королева? Я тебя не расслышал, — он продолжал играть, дразня, оттягивая финал.

— Возьми меня! — закричала я уже громче, и в этот момент было плевать, кто услышит этот крик в пустых коридорах. Я хотела только одного — почувствовать его полностью, без остатка, без этих проклятых слоёв ткани между нами. Я сама, почти в безумии, нащупала его через тяжёлые кожаные штаны — твёрдое, мощное, пульсирующее возбуждение. Положила на него руку и услышала, как с его губ сорвался низкий, животный стон.

— Возьми меня! Это приказ твоей королевы! — слова лились сами, будто говорила не я, а какая-то другая, древняя и безрассудная часть моей души.

— Слушаюсь и повинуюсь! — он взревел, и в этом рёве было столько первобытной власти, что меня передёрнуло от нового витка желания. В следующее мгновение он, задрав мою сорочку, вошёл в меня сзади — резко, глубоко, заполняя собой всё пространство. По телу пронёсся разряд такого небывалого, ослепительного наслаждения, что мир поплыл. Он двигался, задавая яростный, неистовый ритм, и мы оба уже были на краю. Но в самый последний миг я, собрав последние крупницы воли, заставила себя выдохнуть:

— Подожди!

— Что-то не так? — он замер, тяжело дыша, его тело было напряжено как тетива.

— Я хочу видеть твоё лицо, — выдохнула я. — Сейчас. Я должна видеть тебя.

Наконец он позволил мне обернуться. Его руки ослабли. Я медленно повернулась, и наш взгляд встретился при неровном свете свечей.

Его лицо. То самое. Мой нежный и жестокий, страстный и надменный Воланд. Высокие скулы, тёмные, горящие каким-то внутренним адским огнём глаза, влажные от пота волосы, прилипшие ко лбу. Сейчас в этом лице не было ни предательства из старых снов, ни ненависти к «ведьмам», ни ледяного прощания. Была только нагая, всепоглощающая страсть. И любовь. Странная, искажённая, опасная, но безумная любовь. В этот миг мы были одним целым, как никогда.

Не отрывая от него взгляда, я медленно отступила к дубовому столу, отодвинула локтем свечу и села на прохладную, полированную поверхность. Медленно, с вызовом, задрала юбку до самого паха, обнажая себя для него. Моё приглашение было понято без слов.

Воланду потребовалось лишь мгновение. Он оказался между моих ног и снова вошёл в меня, но теперь лицом к лицу. И это было совершенно иначе. Глубже. Страшнее. Прекраснее. Я видела, как его лицо искажается от наслаждения, как в его глазах отражаются отблески свечей и, кажется, моё собственное отражение. Это зрелище возбудило меня ещё сильнее, и оргазм накрыл меня ослепительной, сокрушительной волной, вырывая из груди немой крик.

На пике, в тот самый миг, когда сознание должно было померкнуть, я на секунду открыла глаза. И вместо лица Воланда, искажённого страстью, увидела перед собой другое лицо. Более молодое. Более знакомое. С другими глазами, но с тем же выражением одержимого желания.

Дамиан.

— Нет! — вырвался из меня хриплый, полный ужаса крик. Но волну оргазма уже было не остановить. Она прокатилась через меня, смешав экстаз с леденящим ужасом узнавания. Я зажмурилась, откинув голову назад, пытаясь отогнать видение. — Нет! Нет! — кричала я уже в пустоту, в темноту каюты.

Я проснулась. Если это вообще был сон !

Резко, с надрывным всхлипом, я подскочила на кровати. Сердце колотилось, как бешеное, горло было пересохшим. Я была вся мокрая — от испарины страха, от призрачного наслаждения, которое ещё пульсировало в самом низу живота, такое реальное, такое физическое, что его невозможно было отрицать. Я тяжело дышала, вглядываясь в полумрак.

Я снова была в каюте. В той самой каюте на борту обречённого корабля. Не в комнате со свечами. Здесь пахло не воском, а морской сыростью, маслом для ламп и... им. Дамианом. Я сидела, прижав колени к груди, и медленно обернулась.

Рядом, все так же отвернувшись к стенке, мирно спал Дамиан. Или притворялся спящим? Его профиль был спокоен, дыхание ровным. Но в углу его губ, казалось, застыла едва уловимая, зловещая усмешка.

Какого чёрта? — пронеслось в голове, и этот вопрос был обращён не к спящему мужчине, а ко вселенной, к моей собственной разрушающейся психике, к этой кошмарной, сладостной связи, которая стирала границы между сном и явью, между прош

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.